

Герман Садуллаев

1.Здесь затронута проблема чести. Бывшие разведчики не смогли вынести оскорблений юных фашистов...

2.Проблема памяти...

3. Проблема исторической несправедливости...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Рассказ

Старые люди спят мало. В молодости время кажется неразменным рублем, время пожилого человека — медная мелочь. Морщинистые руки бережно складывают в стопочки минуту к минуте, час к часу, день ко дню: сколько еще осталось? Жаль каждой ночи.

Он проснулся в половине шестого. Не было нужды вставать так рано. Если бы даже он совсем не встал со своей постели, а рано или поздно так и должно было случиться, этого никто не заметил бы. Он мог совсем не вставать. Тем более, так рано. В последние годы ему все чаще хотелось однажды не проснуться. Но не сегодня. Сегодня был особенный день.

Алексей Павлович Родин поднялся со старой скрипящей кровати в однокомнатной квартире на улице ... в старом Таллинне, сходил в туалет, облегчил мочевой пузырь. В ванной комнате стал приводить себя в порядок. Умылся, почистил зубы и долго соскребал щетину с подбородка и щек выдавшим вида бритвенным станком. Затем еще раз умылся, смывая остатки мыльной пены, и освежил лицо лосьоном после бритья.

Пройдя в комнату, Родин встал перед платяным шкафом с треснутым зеркалом. Зеркало отразило его поношенное тело в застарелых рубцах, одетое в выцветшие трусы и майку. Родин открыл дверцу шкафа и сменил белье. Еще пару минут он смотрел на свой парадный китель с орденскими медалями. Затем достал выглаженную накануне сорочку и облачился в форму.

Сразу как будто бы двадцать лет спало с плеч. В тусклом свете помутневшей от времени люстры ярко горели капитанские погоны.

Уже в восемь часов Родин встретился у парадной своего дома с другим ветераном, Вахой Султановичем Аслановым. Вместе с Вахой они прошли полвойны, в одной разведроте Первого Белорусского фронта. К 1944-му году Ваха был уже старшим сержантом, имел медаль "За отвагу". Когда пришло известие о выселении чеченцев, Ваха был в госпитале, после ранения. Сразу из госпиталя его перевели в штрафбат. Без вины, по национальному признаку. Родин, тогда старший лейтенант, ходил к начальству, просил вернуть Ваху. Заступничество комроты не помогло. Ваха закончил войну в штрафбате и сразу после демобилизации был отправлен на поселение в Казахстан.

Родин демобилизовался в 1946-м, в звании капитана, и был определен на службу в Таллинн, инструктором в горком партии.

Тогда в названии этого города было только одно "н", но у моего компьютера новая система проверки орфографии, я буду писать Таллинн с двумя "л" и с двумя "н", чтобы текстовый редактор не ругался и не подчеркивал это слово красной волнистой линией.

После реабилитации чеченцев в 1957 году Родин отыскивал своего фронтового товарища. Сделал запросы, воспользовавшись своим служебным положением — к этому времени Родин уже был завотделом. Родину удалось даже больше, чем просто найти Ваху, он выхлопотал его вызов в Таллинн, нашел ему работу, помог с квартирой и пропиской. Ваха приехал. Родин, начиная свои хлопоты, опасался, что Ваха не захочет покидать родную землю. Он позаботился о том, чтобы Ваха смог перевезти свою семью.

Но Ваха приехал один. Ему некого было перевозить. Жена и ребенок умерли во время выселения. Они заболели тифом в товарном вагоне и скоропостижно скончались. Родители умерли в Казахстане. У Вахи не осталось близких родственников. Наверное, поэтому ему было легко уехать из Чечни.

Потом была... жизнь. Жизнь?... наверное, потом была вся жизнь. В ней было хорошее и плохое. Правда, целая жизнь. Ведь шестьдесят лет прошло. Целых шестьдесят лет прошло с окончания той войны.

Да, это был особенный день. Шестидесятая годовщина победы.

Шестьдесят лет — это вся жизнь. Даже больше. Для тех, кто не вернулся с войны, кто остался двадцатилетним, это три жизни. Родину казалось, что он живет эти жизни за тех, кто не вернулся. Нет, это не просто метафора. Иногда он думал: вот эти двадцать лет я живу за сержанта Савельева, который подорвался на mine. Следующие двадцать лет я буду жить за рядового Талгатова, погибшего в первом бою. Потом Родин думал: нет, так я не много успею. Пусть лучше по десять лет. Ведь дожить до тридцати — это уже не так плохо. Тогда я успею пожить еще за трех своих погибших бойцов.

Да, шестьдесят лет — это много! Целая жизнь или шесть довесков к оборванным жизням мертвых солдат.

И всё же это... если не меньше, то, наверное, столько же, сколько четыре года войны.

Я не знаю, как это объяснить, другие до меня уже объясняли это гораздо лучше. Человек живет четыре года на войне, или полгода на арктической зимовке, или год в буддистском монастыре, потом он живёт еще долго, еще целую жизнь, но тот отрезок времени остается для него самым длинным, самым важным. Может, из-за эмоционального напряжения, из-за простоты и яркости ощущений, может, это называется как-то иначе. Может, наша жизнь измеряется не временем, а движением сердца.

Он будет всегда вспоминать, будет сверять свое настоящее с тем временем, которое никогда не превратится для него в прошлое. И товарищи, которые были рядом с ним тогда, останутся самыми близкими, самыми верными.

И не потому, что хорошие люди больше не встретятся. Просто те, другие... они многого не поймут, как ни объясняй. А со своими, с ними можно даже просто помолчать.

Как с Вахой. Иногда Родин с Вахой вместе пили, иногда спорили и даже ссорились, иногда просто молчали. Жизнь была разной, да...

Родин женился и прожил в браке двенадцать лет. Его жена получила развод и уехала в Свердловск, к родителям. Детей у Родина не было. Зато у Вахи было, наверное, много детей. Он и сам не знал, сколько. А жениться Ваха не стал. Ваха был еще тот гуляка.

Большой карьеры ни один, ни другой не сделали. Но в советское время ушли на приличную пенсию уважаемыми людьми. Они остались в Таллинне. Куда им было ехать?

Потом всё стало меняться.

Родин не хотел об этом думать.

Просто все изменилось. И он оказался в чужой стране, где запретили носить советские ордена и медали, где их, напивавших своей кровью землю от Бреста до Москвы и обратно до Берлина, называли оккупантами.

Они не были оккупантами. Лучше многих других Родин знал обо всем неправильном, что творилось в той, канувшей в лету стране. Но тогда, те четыре года... нет, они не были оккупантами. Родин не понимал этой злости благополучных эстонцев, которые и при советской власти жили лучше, чем русские люди где-нибудь на Урале.

Ведь даже Ваха, Родин был готов, что после выселения, после той чудовищной несправедливости, трагедии своего народа, Ваха станет ненавидеть Советский Союз и особенно русских. Но оказалось, что это не так. Ваха слишком много видел. В штрафбате русские офицеры, героически вырвавшиеся из плена и за это разжалованные в рядовые, переполненные зоны и тюрьмы. Однажды Родин прямо спросил — не винит ли Ваха русских в том, что произошло.

Ваха сказал, что русские от всего этого пострадали больше остальных народов. А Сталин был вообще грузин, хотя это не важно.

А еще Ваха сказал, что вместе, вместе не только сидели на зонах. Вместе победили фашистов, отправили человека в космос, построили социализм в нищей и разоренной стране. Все это делали вместе и все это — а не только лагеря — называлось: Советский Союз.

И сегодня они надели фронтовые ордена и медали. Сегодня был их день. Они даже зашли в бар и приняли по сто грамм фронтовых, да. И там, в баре, юноши в модном милитари со стилизованными под символику "СС" нашивками называли их русскими свиньями, старыми пьяницами и сорвали с них награды. Ваху они тоже называли русской свиньей. Нож, он просто лежал на стойке, наверное, бармен колол им лед.

Ваха точным ударом всадил его между ребер юному эстонцу.

А еще на стойке стоял телефон, и Родин накинул его шнур как удавку на шею другого эсэсовца. Нет уже той силы в руках, но ее и не нужно, каждое движение старого разведчика отработано до автоматизма. Тщедушный мальчик захрипел и свалился на пол.

Они вернулись в то, настоящее время. Они снова были советскими разведчиками, а вокруг были враги. И всё было правильно и просто.

Еще пять минут они были молодыми.

Пока их забивали насмерть ногами на деревянном полу.

Они добавили еще пять минут к тем четырем годам своей настоящей жизни. И это было больше, чем несколько лет, которые они могли еще прожить, если бы не вышли в орденах и медалях в день Великой Победы.

И мне их совсем не жаль. Я просто не смею унижить их своей жалостью.